

Пуанкаре Раймон

**Происхождение мировой
войны**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р12

Р12 **Раймон П.**
Происхождение мировой войны / Пуанкаре Раймон – М.: Книга по Требова-
нию, 2025. – 262 с.

ISBN 978-5-519-79829-7

История. Исторические науки – Всемирная история – Новая история
(1640-1918) – Период 1871-1918 гг. – Период первой мировой войны
(1914-1918) – Происхождение и характер первой мировой войны

ISBN 978-5-519-79829-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Мировая война и связанные с ней события вызвали целый поток мемуарной литературы. В безудержном соревновании, не щадя своих сил и уменя, пишут свои записки политические деятели всякого чина и звания, генералы, дипломаты, фрейлины, принцы, экс-министры, экс-президенты, экс-императоры и т. д. В большинстве случаев это—записки бывших людей, старающихся в свободное время или реабилитировать себя, или доказать, что «и мы пахали». Сгущенность тех или иных красок, лицемерие или открытая ложь, хвастовство и неприкрытое самолюбование, тенденциозный подбор фактов и их одностороннее освещение—обычные атрибуты такого рода литературы. Все это приходится учитывать заранее и, тем не менее и не смотря на это, очень и очень считаться с мемуарной литературой. В ряде исторических источников о мировой войне и ее генезисе воспоминания участников и очевидцев грозных и роковых событий представляют высокий интерес и большое значение, несмотря на всю субъективность и тенденциозность. В этих мемуарах отражаются идеи и мысли, поступки и линия поведения тех деятелей, которых породила эпоха, ее исторические условия. Все указанные выше недостатки мемуарной литературы чрезвычайно типичны для психологии тех господствующих классов, которые выдвинули на авансцену больших или малых «виновников войны».

Книга о происхождении мировой войны, написанная бывшим президентом французской республики и нынешним главой правительства, Раймондом Пуанкаре, не может не представлять исключительного интереса.

Само собой разумеется, что прежде всего ищешь в новой книге новых данных, новых фактов, могущих пролить свет на те или иные предвоенные события. Пуанкаре, стоявший в самой гуще, мог, как никто, ответить на ряд недоуменных вопросов. Но он вовсе не задается целью отвечать на только невыясненные вопросы, он не пишет, в сущности, личных воспоминаний, хотя мемуарный характер (а в этом то и главная ценность книги) дает себя на каждом шагу знать.

Нет, в качестве «бессмертного», он по доброй старой традиции академиков выступает с курсом лекций, посвященных истории возникновения мировой войны. Пуанкаре широко пользуется как опубликованными, так и не опубликованными материалами и документами и обширной существующей литературой. Его начитанность весьма значительна и не только в области одной французской литературы. Он часто цитирует и удачно полемизирует с немецкими писателями. Но, конечно, главный интерес книги представляют вкрапленные то там, то здесь, а затем широкой волной хлынувшие личные воспоминания, сопровождаемые новыми документами, искусно подобранными. Здесь академическое беспристрастие, довольно, впрочем, проблематичное, окончательно уступает место защите своей линии поведения опытного и ловкого политического дельца.

Драпируясь в тогу историка и выдерживая соответствующий стиль, Пуанкаре начинает издалека. В первой главе он останавливается на франко-

германских отношениях после 1870—71 года. Здесь его основной задачей является доказать, что после неудачного исхода кампании Франция не думала готовиться к новой войне, что ей чужда была идея реванша. Все создавшееся по этому поводу представления Пуанкаре считает результатом немецких наветов и происков. Зато Германия, по его мнению, явно стремилась к новому обескровлению Франции. Особенно не любит Пуанкаре Бисмарка, который является для него источником всех зол. Довольно трафаретно изображает Пуанкаре развитие германского империализма, колониальной экспансии и попутно роли пангерманизма. Ядовиты его реплики по адресу Вильгельма II, который в оценке Пуанкаре является фальшивым и двоедушным интриганом. И в этой исторической главе встречается налет личных воспоминаний. Как раз в начале главы повествуется о последних выступлениях германского посла в Париже фон-Шена.

Вторая глава трактует о франко-русском союзе и тройственном согласии. Здесь Пуанкаре рисует основные моменты развития франко-русских отношений, публикуя попутно знаменитую военную конвенцию, так связавшую Россию по рукам и ногам. Каких либо особенно новых фактов тут нет. Интересно, что выступления России и Англии в 1875 г. в защиту Франции, которую Германия провоцировала на разрыв, дают автору возможность видеть уже здесь начала тройственного согласия. Не безинтересны данные о франко-германском конфликте 1887 г.

Первые две главы, в сущности, представляют историю войны. Третья глава уже вводит в исторические пределы. Носит название эта глава «Марокко и Балканский кризис». С подробностью осве-

щен автором Агадирский инцидент, при чем Пуанкаре не скрывает своего негодования по поводу немецких авантур в Африке. Негодуя на германский империализм, Пуанкаре отнюдь не отказывается от соответствующих французских колониальных устремлений.

Весьма интересны данные, которые приводит Пуанкаре относительно Балканского кризиса и той позиции, которую занимала в нем Франция. Начав повествование с аннексии Боснии и Герцеговины, Пуанкаре подробно характеризует тогдашнюю политическую конъюнктуру. Особенно он останавливается на Германии, взявшей повелительный тон, и на России, являвшей картину полной неподготовленности к войне и поэтому вынужденной признать аннексию. Пуанкаре ядовито замечает, что Франции и Англии не оставалось сделать ничего другого, как последовать ее примеру.

Чрезвычайно подробно описывает Пуанкаре историю образования балканского союза, характеризуя тогдашние роли России и Австрии. Очень ценны и его указания на то охлаждение между Россией и Францией, которое падает на начало 1912 г. Железнодорожные концессии в Анатолии, вопрос о международном консорциуме в Китае, недовольство в Петербургских сферах французским послом Луи— все это создавало некоторую напряженность в отношениях между союзными державами. Об образовании Балканского союза и о договорах между славянскими государствами русское правительство ничего не сообщало Франции. Это взволновало тамошние политические круги. Пуанкаре, бывший в то время министром-президентом и министром иностранных дел, предпринял свою первую поездку в Россию для улаживания всех инцидентов. Поездка удалась, и острые

углы были сглажены; дипломатические тайны открылись. Сазонов познакомил Пуанкаре с балканскими проектами и с этого времени держал его в курсе дел. Пуанкаре с большим красноречием повествует, как он принялся за ближне-восточные дела, стараясь предотвратить кризис, грозивший вызвать мировую войну. Пуанкаре хвастливо отмечает, что его политику поддерживала Германия, что его формулы хвалили германский канцлер и министр иностранных дел. Великим союзником в умиротворении страстей была Англия. И здесь Пуанкаре, комплиментируя по всем правилам академического искусства своей теперешней союзнице, ретроспектирует настоящее в прошлом.

Несомненно, Пуанкаре слишком преувеличивает свою роль мудрого посредника. Далеко не гладкое разрешение Балканского кризиса вряд ли свидетельствует о блистательных результатах политики приемника Таллейрана. Но во всяком случае то, что сообщает Пуанкаре о мерах к предотвращению или к оттяжке мирового пожара, представляет значительный интерес. Здесь автором пущены в оборот еще не опубликованные данные французского министерства иностранных дел.

Значительный интерес представляют две последние главы книги. В этих главах личный элемент берет окончательный перевес; история отходит на задний план. Прежде всего и главным образом Пуанкаре—«la Guerre» старается доказать свою полную непричастность к войне. Очень искусно и тонко, детально повествуя о каждом роковом дне, показывает он, как принимались все меры к мирному разрешению нависавшей катастрофы. Весь срыв мирных начинаний исключительно принадлежит Вильгельму II и Германии. Пуанкаре всю силу своего недюжинного полемического таланта направляет на неудачливого

германского императора. Надо сказать, что способ изложения фактов французским ех-президентом куда удачнее жалкой и надуманной самозащиты Вильгельма в его недавних мемуарах. Пуанкаре, основываясь на ряде авторитетных данных, свидетельствует, что уже 5 июля в Потсдаме состоялся чрезвычайный совет под председательством Вильгельма, на котором война была решена.

В доказательство своего непредвидения войны Пуанкаре приводит свою поездку в Россию, куда он выехал вместе с премьером и министром иностранных дел Вивиани. Пуанкаре дает понять, что его отсутствие пагубно сказалось на развитии конфликта. Недаром ультиматум Сербии, как устанавливает Пуанкаре, был послан с таким расчетом, чтобы быть полученным в Белграде после отъезда президента из России. Описание самого пребывания в России также не лишено интереса, хотя страдает некоторой ненужной краткостью. К Николаю II Пуанкаре относится более, чем сдержанно. Никакой характеристики его он не дает, ограничиваясь указанием на его слабость и нерешительность. Беседы, какие вели царь и президент, как будто мало касались Сараевского инцидента и его последствий. Пуанкаре усиленно повествует, что он главным образом старался устранить англо-русские трения в Персии, возникшие в связи с сатрапским поведением русских консулов. Николай II с своей стороны просил президента передать шведскому королю об отсутствии у русского правительства каких либо агрессивных намерений против Швеции. О Швеции Пуанкаре даже два раза говорит, как и об случайном инциденте с Англией. Очень подозрительно, что почти не упоминается о назревающих боевых событиях. Ведь ясно, что общая линия поведения не могла не

быть намеченной. Здесь как будто Пуанкаре переситрил самого себя. Любопытно, что Пуанкаре упоминает и о рабочих беспорядках, бывших в Петербурге во время его пребывания. Приводится им пресловутая версия о германском происхождении этих беспорядков. Надо думать, что у Пуанкаре это взято от тогдашнего французского посла в России Палеолога.

Подробно описывает Пуанкаре и дальнейшее путешествие, во время которого радио сообщали о быстром нарастании конфликта. Нарушив прежний план поездки, Пуанкаре и Вивиани поспешили вернуться домой.

Заключительная глава говорит о днях 29 июля—4 августа. Шаг за шагом, час за часом прослеживает Пуанкаре перепитии переговоров. Все время он указывает, что Франция совместно с Англией принимала все меры к улажению конфликта. Позиция Германии, наоборот, была остро-непримиримой. Пуанкаре подчёркивает тон Вильгельмовских телеграмм к Николаю, мало делавших честь для русского суверена. Обращает внимание текст писем Пуанкаре, направленных к английскому королю.

Как и следовало ожидать, книга академика Раймонда Пуанкаре менее всего отличается академическим беспристрастием. На каждом шагу дают себя почувствовать определенный подбор фактов и их соответствующее освещение. Опытная рука закаленного в боях парламентария видна во всех мельчайших деталях. С высоты академической кафедры Пуанкаре возгласил о своем миролюбии и всячески умыл руки в вопросе о виновниках войны.

А между тем, в историю Пуанкаре перейдет отнюдь не как Пуанкаре-миротворец, а как Пуанкаре-война. Один из самых жестоких и беспощадных вождей современного воинствующего империализма.

лизма—он напрасно льет крокодиловы слезы. Никто ему не поверит!

Настоящая книга печатается в серии мемуаров, потому что ее главная и наиболее значительная часть носит характер личных воспоминаний, представляющих несомненную ценность. С любезного разрешения М. Н. Покровского помещен в виде вступительной статьи его этюд о Пуанкаре, дающий общую характеристику главы национального блока, написанный по поводу появления его у власти в качестве премьера.

И. Бороздин.

Кто такой Пуанкаре?

Во Франции, сколько можно судить по отрывочным телеграммам, нечто вроде нашей «диктатуры Трепова» весны 1905 года. Тогда тяжело больное самодержавие поставило у власти самого «сильного», как ему казалось, человека, какой был в его распоряжении: бывшего московского обер-полицеймейстера, отца зубатовщины, Трепова—«Патронов не жалеть». Сильный человек не помог—октябрьская забастовка 1905 г. разразилась, самодержавие должно было пойти на уступки, хотя бы и «принципиальные». Знаменитый приказ «не жалеть патронов» повис в воздухе.

Теперь французский империализм, чувствуя такое же тяжелое недомогание, как его союзник в 1905 г., ставит у власти своего «сильного человека», Пуанкаре—«Войну». Надо надеяться, что французский Трепов окажется не сильнее своего русского предшественника и образца. Но некоторое время он будет стоять на авансцене международной политики,—стоит присмотреться к этой, во всяком случае характерной, личности поближе.

У нас есть очень ценный для этого источник: письма и донесения русских дипломатов, имевших дело с Пуанкаре перед 1914 годом. Именно этот период, когда «Война» впервые выступил руководителем французской политики, особенно интересен. На своем пути он сейчас же встретил, тоже крупную и характерную, фигуру с русской стороны. Это был тогдашний царский посол в Париже Извольский (не так давно умерший), которого стоило бы, в подражание

прозвищу Пуанкаре, назвать Извольский — «Пролив». Министр иностранных дел Николая II с 1905 по 1910 г., Извольский был тем человеком, который повернул русскую политику с Дальнего Востока, где она завязла в 1905 году, на Ближний. Он заключил в 1907 г. соглашение с недавним противником Российской империи на берегах Тихого океана, Англией—союзницей Японии; с этих пор Англия становится союзницей России. Ища, чем загладить позор Цусимы и Портсмутского мира, Извольский тогда же робко стал намекать новому союзнику на желательность для России получить, наконец, в свои руки «ключи от собственного дома»: т. е. захватить Босфор и Дарданеллы.¹⁾ Английский бульдог в первую минуту глухо заворчал, увидав руку, протянутую к этой кости, давно им обглоданной и ему не нужной, но за которую он привык грызться уже столет.¹⁾ Английский посол в Петербурге уже тогда успокаивал, однако, что бояться нечего—собака не кусается, не надо только спешить черезчур и дразнить ее.

Ободренный этим, Извольский уже в январе следующего 1908 г. ставит на совещании под председательством Столыпина вопрос о войне за Константинополь¹⁾. «Проваленный» этот раз Столыпиным, Извольский не успокаивается и затевает игру с австрийским премьером Эренталем, на таком условии: Австрии — Босния и Герцеговина, России — проливы. Эренталь оказался хитрее и обыграл: Австрия аннексировала Боснию, а русский министр остался с носом. Взмешенный Извольский опять заговорил о войне, но опять не встретил поддержки ни со сто-

¹⁾ См. «Три совещания», «Вестник Нар. Ком. Иностран. Дел» 1919 г. № 1.